
Новые энергетические альянсы России: мифы и реальность

Владимир Милов

Июль 2015

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

В 2005 году в Брюсселе открылась европейская антенна ИФРИ. ИФРИ-Брюссель является одним из редких французских мозговых центров (*think tank*), прочно занявших своё место в европейском дебате.

Благодаря междисциплинарному подходу своих исследований и привлечению к дебатам политиков, руководителей предприятий, научных работников и экспертов международного уровня, ИФРИ способствует развитию новых идей и принятию решений.

*Ответственность за мнения, высказанные в данной статье,
возлагается исключительно на её автора.*

ISBN: 978-2-36567-419-5

© Droits exclusivement réservés – Ifri – Paris, 2015

Ifri
27, rue de la Procession
75740 Paris Cedex 15 – FRANCE
Tél. : +33 (0)1 40 61 60 00
Fax : +33 (0)1 40 61 60 60
Email : accueil@ifri.org

Ifri-Bruxelles
Rue Marie-Thérèse, 21
1000 – Bruxelles – BELGIQUE
Tél. : +32 (0)2 238 51 10
Fax : +32 (0)2 238 51 15
Email : info.bruxelles@ifri.org

Website : ifri.org

Russie.Nei.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Белоруссии, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам. Статьи отвечают стандартам качества ИФРИ в области редактирования и анонимной экспертной оценки. Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: campagne@ifri.org

Последние публикации

– Деланоз И., *Курды: вектор российского влияния на Ближнем Востоке?*, «Russie.Nei.Visions», № 85, июнь 2015.

– Кастуева-Жан Т., *Внутренняя эволюция России и ее влияние на внешнюю политику*, «Russie.Nei.Visions», № 84, апрель 2015.

– Багно-Молдавски О., *Еврейская диаспора и российско-украинский кризис*, «Russie.Nei.Visions», № 83, март 2015.

Об авторе

Владимир Милов – российский политик, публицист, эксперт в области экономики и энергетики. В прошлом заместитель министра энергетики России (2002), советник министра энергетики (2001-2002), руководитель стратегического департамента Федеральной энергетической комиссии, регулирующей деятельность субъектов естественных монополий в ТЭК (1999-2001), а также основатель и президент Института энергетической политики (с 2003).

В. Милов является председателем партии «Демократический выбор» (www.demvybor.ru) и активным участником российской политической оппозиции. Он также известен как соавтор критического доклада о президентстве Владимира Путина «Путин. Итоги», написанного совместно с Борисом Немцовым. Колумнист в крупных российских политических и деловых изданиях, включая *Ведомости* и *Forbes Russia*, он регулярно комментирует российские политические и экономические события в ведущих западных СМИ (*New York Times*, *Financial Times*, *Washington Post*, *Economist*, etc.)

Оглавление

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ПО ТУ СТОРОНУ МИФОВ	6
Китай, лучший энергетический партнёр России?	6
Возможен ли глобальный энергетический разворот России с Запада на Восток?	12
«ТУРЕЦКИЙ ПОТОК»: ДОРОГА В НИКУДА?	17
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	23

Краткое содержание

В статье проводится анализ отношений между Россией и её «новыми» энергетическими партнёрами Китаем и Турцией, публично представляемыми Кремлём в качестве альтернативы энергетическим отношениям с Западом. Хотя последние 12-15 месяцев были отмечены интенсивными переговорами, саммитами, меморандумами о взаимопонимании между Россией и её «новыми» партнёрами, реальный прогресс в отношениях не позволяет говорить об их масштабности, напротив, многочисленные проблемы явно указывают на ограничения их развития. Реальные характеристики этих отношений свидетельствуют о том, что ни Китай, ни Турция, в качестве новых стратегических партнёров России, не стремятся участвовать в российских глобальных энергетических играх, предпочитая им защиту собственных энергетических интересов. России не удалось при помощи этих партнёрств вызвать тектонические сдвиги на энергетических рынках, а её новые проекты «Сила Сибири» и «Турецкий поток» оказались не более чем двусторонними соглашениями регионального характера, не оказывающими заметного влияния на глобальные энергетические рынки.

Введение

Прошедший год был отмечен не только кризисом на Украине и беспрецедентным ростом политической напряжённости в отношениях между Россией и Западом, но и радикальным изменением подхода Москвы к международным энергетическим темам. Широко разрекламированные новые энергетические партнёрства с Китаем и Турцией были призваны продемонстрировать наличие у России альтернативного европейскому выбора для широкомасштабного энергетического сотрудничества.

Но есть ли на самом деле у России возможность развития новых международных энергетических партнёрств, сравнимых по масштабу и значимости с Европой в качестве потребителя энергии и европейскими компаниями в качестве ключевых партнёров, обеспечивающих дальнейшие разведку и освоение российских нефтегазовых ресурсов? Результаты последних 12-15 месяцев во многом ставят эту идею под сомнение, поскольку широко разрекламированные новые энергетические партнёрства с Китаем и Турцией, на самом деле, не продвинулись вперёд сколько-нибудь значимым образом.

Переведено с русского Натальей Киселевой-Туде.

Китайско-российские энергетические отношения: по ту сторону мифов

Китай, лучший энергетический партнёр России?

Рост напряжённости в отношениях между Россией и Западом в связи с украинским кризисом привёл Россию к идее развития – в пику Западу – более тесных отношений с Китаем, особенно в энергетической сфере. Учитывая большой нефтегазовый потенциал России и растущий спрос Китая на импорт энергоносителей, подобное развитие ситуации предрекали как официальная российская пропаганда, так и большинство аналитиков.

Однако практические результаты китайско-российских энергетических отношений в последние 12-15 месяцев не оправдали ожиданий оптимистов, что поставило под вопрос реалистичность самой идеи создания широкомасштабного китайско-российского энергетического партнёрства. Первое и главное: названный «сделкой века» контракт по поставкам газа, подписанный между Россией и Китаем в мае 2014 года, на деле оказался не таким крупномасштабным, как это преподносила Россия как международному сообществу, так и собственному населению, а сам проект уже начал сталкиваться с трудностями, о которых речь пойдёт ниже.

Во-вторых, с мая 2014 года не была заключена ни одна из предполагавшихся последующих крупных сделок. CNPC (Китайская национальная нефтегазовая корпорация) отказалась от предложенного Газпромом 49 %-ного пакета акций в проекте строительства завода по сжижению газа (СПГ) во Владивостоке. Вопреки заявлениям Газпрома, также не было подписано расширение майского контракта 2014 года по газовым поставкам по восточному маршруту. Не было заключено никаких значимых соглашений и в рамках контракта по газовым поставкам по западному маршруту, на который Газпром возлагал особые надежды (о чём также речь пойдёт ниже).

В третьих, между Россией и Китаем не была заключена ни одна крупная сделка по продаже российских энергетических

активов. Самая обнадеживающая продажа CNPC 10 % Ванкорского нефтяного месторождения (крупнейшее действующее восточносибирское месторождение с добычей на уровне 440 тыс. баррелей в сутки), объявленная Владимиром Путиным 1 сентября 2014 года, не состоялась, несмотря на меморандум, подписанный в ноябре 2014 г. Как и во многих других случаях, заключению сделки помешал гигантский разрыв в представлениях о цене активов между Россией, желающей продать эти активы по максимально возможной цене, и Китаем, не желающим переплачивать. Усилению этого расхождения в представлениях способствовало резкое падение цен на нефть. Более того, Китай, по всей видимости, не удовлетворён предложенным ему миноритарным пакетом акций, сходным с предложениями участия в крупных проектах, сделанными другим партнёрам, например, индийским компаниям. Это означает, что к китайским компаниям не было проявлено эксклюзивного или предпочтительного отношения, на которое они, возможно, рассчитывали.

В-четвёртых, по-видимому по тем же причинам, потенциальная продажа CNPC долей в арктических участках Баренцева и Печорского морей (Западно-Приновоземельский, Южно-Русский и Медынский-Варандейский участки), объявленная ещё в 2013 году, с тех пор так ни к чему и не привела, поскольку китайцы не проявили интереса к участию в разработке российских арктических нефтегазовых месторождений. При этом большинство западных партнёров (ExxonMobil, Eni, Statoil) согласились на предложенные Роснефтью условия партнёрства в арктических проектах (включая стандартную схему долевого участия 66%/33% с доминирующим контролем Роснефти). По всей видимости, отказ CNPC от участия в этих проектах объясняется завышением Россией цен на акции, значительными капитальными затратами, а также сомнительной рентабельностью арктических разработок и нежеланием России отказаться от доминирующего контроля над совместными предприятиями за рамками предлагаемых международным партнёрам стандартных 33%.

В-пятых, китайские банки не стали крупным источником кредитования российских энергетических проектов, вопреки надеждам Москвы, возложенным на них в связи с фактическим международным кредитным блокированием России вследствие введения Западом финансовых санкций в середине 2014 года. В реальности, за последний год или около того, Китай едва ли предоставил частному сектору России какой бы то ни было займ.

Значение «сделки века», подписанной между Газпромом и CNPC в мае 2014 года и предусматривающей строительство газопровода «Сила Сибири» из России в Китай и газовые поставки в объёме 38 млрд.куб.м в год, по прошествии года выглядит как явно преувеличенное с целью воздействия на общественное мнение. Её масштаб по значимости далёк от

развивающегося партнёрства между Китаем и Туркменистаном. Ранее в этом году сообщалось о том, что Китай достиг уровня импорта природного газа из Туркменистана, соответствующего 35 млрд.куб.м в годовом выражении². С 2009 года CNPC и Туркменгаз заключили серию последовательных соглашений, согласно которым туркменский газовый экспорт в Китай должен достичь 40 млрд.куб.м в 2015 году и 65 млрд.куб.м в 2020 году.

На этом фоне, подписанная в мае 2014 года сделка с Россией выглядит не слишком впечатляюще: она предполагает, что пик поставок газа из России в Китай составит 38 млрд.куб.м в год. Более того, вице-президент Газпрома Виталий Маркелов сообщил недавно, что этот максимальный уровень может быть достигнут лишь к 2031 году, при этом в 2020 году предполагается поставить 10 млрд.куб.м, в 2021 – 15 млрд.куб.м, в 2024 – 22 млрд.куб.м³. Эти цифры показывают, что между импортом газа из России и из Туркменистана, Китай явно отдаёт предпочтение последнему.

Реализация проекта «Сила Сибири» также сталкивается с трудностями. Когда контракт на газовые поставки из России в Китай был подписан в мае 2014 года, главной новостью стало то, что Китай авансирует оплату за газовые поставки через «Силу Сибири» на сумму 25 млрд. долларов. Однако впоследствии от идеи предоплаты пришлось отказаться – осенью 2014 года (во время китайско-российского саммита в ноябре 2014) Газпром признал, что 25 млрд. долларов предоплаты «более не стоят на повестке дня». Газпром поспешил успокоить общественное мнение тем, что сможет «легко» найти возможность финансирования строительства газопровода из собственных источников, однако это заверение выглядит слишком оптимистично. В результате введённых Западом санкций против России, международные финансовые рынки фактически оказались закрытыми для российских заёмщиков. Хотя Газпром не включён в санкционный список, частные кредиторы в этом секторе предпочитают не торопиться с предоставлением кредитов даже для «чистых» российских заёмщиков, связанных с государством, по причине политической неопределённости, связанной с украинским кризисом, и довольно неожиданной решимости западных стран в введении строгих санкций против высших российских корпоративных и банковских игроков. Собственная финансовая ситуация Газпрома также выглядит не слишком блестящей: по сравнению с 2013 годом, в 2014 году Газпром потерял около 14 млрд. долларов экспортных доходов совокупно на рынках Европы и СНГ, и в текущем году экспорт

² Chinese CNPC's Current Turkmenistan Gas Imports Reach 35 Bcm/year // Platts, 27 января 2015, <www.platts.com/latest-news/natural-gas/singapore/chinese-cnpcs-current-turkmenistan-gas-imports-26993230>.

³ Газопровод «Сила Сибири» закончат к 2031 году // <gazeta.ru>. 5 мая 2015. <www.gazeta.ru/business/news/2015/05/05/n_7167333.shtml>.

продолжает сокращаться (за 4 месяца 2015 года экспорт в Европу сократился на 14 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года).

Финансовая ситуация «Силы Сибири» может не стать критической в 2015 году, в котором для финансирования начала строительства выделено лишь около 1 млрд. долларов по текущему курсу. Однако в 2016 году планируется израсходовать 5 млрд. долларов и, в настоящий момент, Газпром не располагает определённым источником финансирования строительства газопроводов.

Главная окружающая контракт тайна – это цена. По широко распространённому мнению, цена поставок газа в рамках контракта по «Силе Сибири» составляет около 10 долл./млн.БТЕ, что уже делает этот проект едва рентабельным. Несмотря на недостаток независимых оценок, по мнению автора, одни лишь расходы на добычу производимого в Якутии газа могут достигать 4 долл./млн.БТЕ (по оценкам 2010 года, проектируемая теоретическая цена составляла 2,3 долл./млн.БТЕ⁴). Таким образом, если транспортные расходы до китайской границы будут превышать 5 долл./млн.БТЕ (эти расходы невозможно оценить по причине непрозрачности данных, однако уровень расходов на транспортировку нефти через нефтепровод Восточная Сибирь – Дальний Восток, в совокупности с анализом опубликованных данных Газпрома о проекте «Сила Сибири», позволяют считать это предположение разумным), экономическая целесообразность всего проекта может быть поставлена под сомнение. Неудивительно, что Газпром сделал запрос на значительные налоговые льготы, попросив предоставить ему нулевые налоговые ставки по всем основным налогам, которыми облагается «Сила Сибири».

Но даже эти экономические расчёты могут оказаться приемлемыми по сравнению с риском продолжающегося падения цен на нефть. Осенью 2014 года российское руководство признало, что цены по контракту «Сила Сибири» индексируются по ценам на нефть и что Газпром, с момента подписания контракта в мае 2014, мог потерять около четверти его стоимости⁵. Подробности расчётных ценовых формул неизвестны, но есть основания ожидать, что снижение цен на нефть будет способствовать дальнейшему ухудшению экономических параметров проекта.

Несмотря на попытки России и Газпрома представить «Силу Сибири» как «поворотный» проект глобального значения, он носит в основном региональный характер. С российской стороны,

⁴ 1 апреля 2010, <www.trubagaz.ru/issue-of-the-day/chajandinskoe-gnkm-jakutii/>.

⁵ Сотникова А., Контрактная цена «Силы Сибири» снизилась на 80 млрд. долларов из-за цен на нефть // РБК. 20 ноября 2014, <<http://top.rbc.ru/business/20/11/2014/546db818cbb20f68014dba1c>>.

речь идёт об освоении двух весьма отдалённых восточносибирских газовых месторождений (Чаяндинское в Якутии и Ковыктинское в Иркутской области), поставки с которых в Европу не могут быть коммерчески выгодными. С китайской стороны, этот проект позволит заменить уголь природным газом в трёх граничащих с Россией удалённых северо-восточных провинциях (Хэйлунцзян, Цзилинь, Внутренняя Монголия), в настоящее время испытывающих недостаток подключения к существующей китайской газопроводной сети и гораздо более доступных из соседней России. В то же время, экологическая ситуация в этих провинциях вызывает серьёзную озабоченность, что приводит к социальным и политическим проблемам⁶, и поставки из России, очевидно, воспринимаются как оптимальное решение, учитывая, что российская сторона построит большую часть инфраструктуры. Ограниченный масштаб проекта «Сила Сибири», по сравнению, например, с вышеупомянутыми широкомасштабными газовыми контрактами с Туркменистаном, подтверждает предположение о его локальном предназначении, направленном на обеспечение поставок в три северо-восточные провинции, испытывающие в настоящий момент нехватку газа как источника энергии. Максимальный объём поставок газа по контракту «Сила Сибири» – 38 млрд.куб.м в год (который, как было сказано выше, может быть достигнут к 2031 году) – будет ниже пикового уровня годовых поставок Германии, зарегистрированного в 2013 году (40 млрд.куб.м) и составит около 24 % от пикового уровня поставок в Европу, зарегистрированного в том же году.

После подписания в мае 2014 года контракта по «Силе Сибири» с CNPC, Газпром публично намекнул, что «это было только начало» настоящего широкомасштабного сотрудничества по газовым поставкам с Китаем и открытия крупнейшего нового рынка для российского газа. Предполагалось, что за этим контрактом последуют три других крупных проекта, которые поднимут поставки газа из России в Китай на действительно значимый уровень:

- 1) Завод по сжижению газа (СПГ) во Владивостоке, где CNPC был предложен 49 %-ный пакет акций;
- 2) Расширение поставок через «восточный коридор», то есть, по сути, новый контракт на большие объёмы поставок через газопровод «Сила Сибири» (который планируется расширить до 60 млрд.куб.м годовой мощности);
- 3) Новый контракт по поставкам газа через «западный коридор» (известный под названием

⁶ China Smog Emergency Shuts City of 11 million People // Reuters. 21 октября 2013, <www.reuters.com/article/2013/10/21/us-china-smog-idUSBRE99K02Z20131021>.

газопровод Алтай) – в южном направлении от западносибирских месторождений через узкий участок китайско-российской границы между Монголией и Казахстаном в горах Алтая.

Через год после этих публичных заявлений, завод по производству СПГ во Владивостоке (первый проект), по всей видимости, полностью снят с повестки дня – CNPC не проявил никакого интереса к участию в этом проекте и Газпрому даже пришлось публично признать, что весь проект завода по производству СПГ во Владивостоке может быть отменён.

Не было подписано новых договоров по расширению газовых поставок через «восточный коридор» (второй проект), и на сегодняшний день не имеется никаких новых сведений о практических перспективах подписания подобного расширения.

Газпром больше всего заинтересован в проекте газопровода Алтай или «западного коридора» (третий проект), поскольку он создал бы реальную возможность переориентировать поставки с основных западносибирских месторождений (производящих большую часть добываемого в России газа) с западного направления на азиатские рынки. Об этом не может идти речь в случае с «Силой Сибири», поскольку этот газопровод связан с ресурсной базой наиболее удалённых восточносибирских газовых месторождений, которые, как было сказано выше, из практических соображений не могут рассматриваться как потенциальный источник газа для Европы.

Соответственно, Газпром стремился к скорейшей активации проекта алтайского газопровода, чтобы продемонстрировать европейским партнёрам существование твёрдой альтернативы европейскому газовому рынку и возможности перевода туда российского газа в случае, если европейцы зайдут слишком далеко в различных формах давления на Газпром. Однако до сих пор все попытки подписать контракт по газовым поставкам по алтайскому маршруту не увенчались успехом. Примечательно, что их провалу не помешали даже два китайско-российских президентских саммита (в ноябре 2014 и в мае 2015), в преддверии которых Газпром наводнял СМИ предсказаниями о том, что на этих саммитах «контракт по «западному коридору» будет действительно подписан». Однако ничего подобного так и не произошло. На ноябрьском саммите 2014 года стороны подписали лишь меморандум о взаимопонимании по этому проекту, мало чем отличающийся от многих других, подписанных на ту же тему около десятилетия назад, включая самый первый меморандум, подписанный в марте 2006 г. в Пекине. В мае 2015 г. был подписан документ с гораздо более претенциозным названием «Базовые условия контракта», однако содержание этих «базовых условий» на практике не отличаются от любого другого меморандума (стороны лишь подтвердили, что объём поставок может составить 30 млрд.куб.м в год, что фигурировало

и в мартовском меморандуме 2006 года). После саммита, российский министр энергетики Александр Новак публично признал, что «не существует никакого соглашения о цене поставок газа по западному маршруту»⁷.

Представленный обзор позволяет с лёгкостью убедиться в том, что широкомасштабное китайско-российское энергетическое сотрудничество всё ещё во многом остаётся горячо желанной мечтой (особенно для российской стороны). В среднесрочной и долгосрочной перспективе оно будет ограничено оптовым экспортом нефти и газа с восточносибирских месторождений, то есть не выйдет за рамки проекта регионального значения. Вопреки заявлениям Москвы, идея экспорта крупных объёмов нефти и газа в Китай из Западной Сибири – на ближайшие десятилетия остающейся основным производящим регионом, – то есть «диверсификации экспортных направлений» в сторону, противоположную Европе, пока никак не приблизилась к реализации.

Таким образом, на сегодняшний день Москве не удалось привлечь Китай в качестве а) ключевого партнёра по разведке и добыче в нефтегазовой отрасли, б) партнёра по развитию СПГ и эксплуатации Арктики, в) партнёра, способного предоставить крупное финансирование энергетических проектов, и, самое главное, г) партнёра, представляющего серьёзную альтернативу в качестве экспортного направления для западносибирских нефти и газа.

Возможен ли глобальный энергетический разворот России с Запада на Восток?

Существует несколько причин того, почему идея широкомасштабного разворота от Европы, как основного потребителя российских нефти и газа, к Китаю в целом вряд ли может быть реализована.

Во-первых, в отличие от газа, нефть является глобализованным товаром, в большей степени подчиняющимся коммерческой, а не политической логике. Существующая логистика нефтепоставок из Западной Сибири и других ключевых регионов российского нефтепроизводства (Волга, Урал, Тимано-Печора, Северный Каспий) в Европу попросту намного удобнее, чем экспорт нефти в Китай. Поэтому вполне естественно, что Китай остаётся целевым рынком только для нефти, добываемой в основном на восточносибирских месторождениях, но не для продукции западносибирских месторождений.

⁷ А. Новак: Договорённости между РФ и КНР по ценам поставок газа пока нет // RIA Novosti. 9 мая 2015, <<http://ria.ru/economy/20150509/1063534881.html>>.

Во-вторых, несмотря на некоторые краткосрочные колебания, китайские цены на импорт остаются гораздо менее благоприятными для российских экспортёров по сравнению с европейскими. По данным финансовых отчётов МСФО по Роснефти за 2014 год, компания потеряла около 5 долларов за каждый баррель экспортированной в Китай нефти в сравнении с экспортом в Европу⁸. Экспортные цены Газпрома на газ в Европу в течение долгого периода были значительно выше, чем китайские цены на импорт газа⁹, что предопределило разрыв в представлениях о цене на китайско-российских переговорах по газовым поставкам последних лет и продолжает осложнять эти переговоры сегодня, поскольку цены на китайский импорт СПГ упали до 7,5 долл./млн.БТЕ в июне 2015¹⁰, по сравнению со средней ценой Газпрома на экспорт в Европу в первом квартале 2015 года, составлявшую 9 долл./млн.БТЕ. Большой разрыв в представлениях о ценах на переговорах является очевидным препятствием для достижения соглашения по новым потенциальным контрактам.

В-третьих, Китай не испытывает большой потребности в дополнительных газовых поставках из России. Суммарный текущий чистый импорт природного газа Китаем составляет немногим более 40 млрд.куб.м в год. Если предположить, что эта сумма к 2020 году достигнет 150 млрд.куб.м в год – учитывая тот факт, что поставки через «Силу Сибири» и из Туркменистана в сумме составят до 100 млрд.куб.м, а ёмкость китайского импорта СПГ достигнет около 70 млрд.куб.м в год (источник – МЭА), – довольно легко подсчитать, что в среднесрочной перспективе Китай попросту не будет нуждаться в дополнительных объёмах газа из России. Возможно, такая потребность возникнет после 2020 года, однако это не означает, что китайцы заинтересованы в том, чтобы в ближайшее время подписывать новые сделки по импорту газа с Россией, помимо тех, которые уже подписаны.

В-четвёртых, важно отметить явное стремление Китая получить контроль над проектами по добыче, а не просто закупать оптовые объёмы на приграничной основе. К примеру, туркменские газовые поставки в Китай развивались значительно быстрее, чем российские¹¹, помимо прочего, по той причине, что

⁸ Цены продаж в Азию (главным образом, в Китай) приблизительно на 3,35\$ ниже, чем цены продаж в Европу, а транспортные расходы на 1,4-1,6\$ выше в сравнении с европейским направлением экспорта. См. <www.rosneft.com/attach/0/12/99/MDA_ENG_4Q_2014.pdf> с. 28 и 14 соответственно.

⁹ Chen M., The Development of Chinese Gas Pricing: Drivers, Challenges and Implications for Demand. Oxford Institute for Energy Studies. Июль 2014, <www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/07/NG-89.pdf>.

¹⁰ World LNG Estimated June 2015 Landed Prices. Июль 2015, <www.ferc.gov/market-oversight/mkt-gas/overview/ngas-ovr-lng-wld-pr-est.pdf>.

¹¹ Первый меморандум о строительстве газопровода из Туркменистана был подписан Китаем в апреле 2006 года, первый меморандум с Россией был

около 90 % этих поставок идут с правого берега Амударьи – месторождения, контролируемого CNPC. Наличие собственной доли имеет большое значение для Китая, а Россия, вопреки своей публичной риторике о «готовности отказаться от контроля над стратегическими проектами в пользу китайских инвесторов»¹², на самом деле не слишком склонна уступать этот контроль (как было упомянуто выше, специальное предложение Китаю включало 10 %-ый пакет акций Ванкорского нефтяного месторождения и 33 %-ый пакет в трёх арктических разведывательных участках, что позволяет предположить, что российское видение допустимой степени предоставления контроля над проектами добычи китайским партнёрам, мягко говоря, не отличается особой щедростью).

Существует ряд других факторов, препятствующих успеху переговоров по алтайскому проекту на протяжении почти десятилетия. Китай не испытывает нехватки газа в западной части страны (в отличие от северо-восточной части, где спрос на газ в будущем должен быть удовлетворён поставками через «Силу Сибири»), а необходимые поставки приходят из Туркменистана (см. выше). В марте 2015 года, агентство Reuters процитировало представителя CNPC (в связи с рекламной кампанией Газпрома относительно «потенциального подписания в мае контракта по газовым поставкам через газопровод Алтай»), заявившего практически открытым текстом о том, что запад Китая не нуждается в российском газе¹³.

По всей видимости, в Китае имеются сомнения относительно способности Газпрома выполнить обязательства по скорому строительству газопровода Алтай как с технической, так и с финансовой точки зрения. Трудности этого строительства связаны с крайне сложной высокогорной местностью (до 3000-4000 м) вблизи китайско-российской границы. Учитывая горький опыт строительства газопровода в Южную Осетию через подобный рекордно высокий горный массив (около 3000 м)¹⁴, строительство горного участка алтайского трубопровода будет

подписан в тот же период (март 2006), однако реальные поставки из Туркменистана начались уже в 2009 г. и к настоящему времени достигли около 35 млрд.куб.м в год, в то время как начало поставок российского газа ожидается лишь через 3-4 года.

¹² Замечания вице-преьера Аркадия Дворковича на Красноярском экономическом форуме в феврале 2015 года в «Дворкович допустил участие Китая в освоении стратегических месторождений» // РБК. 27 февраля 2015, <<http://top.rbc.ru/economics/27/02/2015/54f002189a7947255e32ef80>>.

¹³ Газпром убеждает Китай строить западный экспортный маршрут в пику Европе // Reuters. 17 марта 2015, <<http://ru.reuters.com/article/businessNews/idRUKBN0MD1GL20150317>>.

¹⁴ Строительство 160 км газопровода в Южную Осетию, проходящего через горный массив высотой до 3000 м, было начато в 2006 году, а его завершение планировалось на 2007. Однако строительство продолжалось до второго полугодия 2009, то есть растянулось на три года и обошлось более чем в 500 млн. долларов.

чрезвычайно сложным, потребует прокладки туннелей и других дорогостоящих решений. Дополнительную трудность представляет тот факт, что горный Алтай полностью лишён необходимых базовых инфраструктур (дороги, электричество, телекоммуникации и т.д.) для доставки грузов, рабочих, материалов и т.д. Стоимость алтайского проекта несколько лет назад оценивалась в 15 млрд. долларов, однако можно ожидать существенного роста затрат. Учитывая вышеупомянутые финансовые трудности Газпрома, не возникает сомнений в том, что Газпром будет вынужден обратиться к китайцам за помощью в финансировании строительства, а Китай, по-видимому, не хочет быть источником этого финансирования.

Алтайский проект вынудил бы Китай инвестировать в дорогостоящие инфраструктурные решения для соединения своего существующего трубопровода с удалёнными горными районами, прилегающими к западному участку границы с Россией. Высокогорная местность с недостающей базовой инфраструктурой не заканчивается на 50-ти километровой китайско-русской границе, а продолжается на китайской территории. Китаю придётся создать такой же трудоёмкий высокогорный трубопровод на своём конце, что выглядит не слишком радужной перспективой для китайцев, особенно когда речь идёт лишь о 30 млрд.куб.м поставок в год.

Эти соображения, вкупе с увеличением разрыва в представлениях о ценах на переговорах по причине обвала международных цен на газ, делает скорую реализацию идеи алтайского газопровода в настоящий момент маловероятной, вопреки заверениям Газпрома о том, что контракт на поставки газа через «западный коридор» будет подписан «в ближайшее время». Возможно, что эта тема публично продвигается Газпромом с единственной целью – шантажировать Европу потенциальной угрозой ухода Газпрома с европейского рынка и переориентацией газовых потоков в Китай. Однако, с учётом вышеизложенного, эта угроза не выглядит как реальная возможность.

Другой проблематичной для России темой стали неудачные попытки добиться от китайских банков масштабного финансирования нефтегазовых проектов. Россия возлагала на это большие надежды с того момента, когда она, в середине 2014 года, подверглась западным финансовым санкциям и блокированию международных кредитов, однако с тех пор ей удалось получить от китайских банков займы лишь на несколько миллиардов долларов (при потребности в десятки миллиардов), которые, к тому же, были почти полностью привязаны к закупкам китайских товаров и услуг. Надежды России на то, что Китай заменит Запад в качестве главного кредитора, не оправдались по нескольким причинам. Во-первых, китайская финансовая система значительно менее развита, чем западная (общий объём активов китайской финансовой системы примерно в

четыре раза меньше, чем в США, и в три раза меньше, чем в Европейском союзе), и ориентирована не столько на кредитование иностранных проектов, сколько на предоставление займов внутреннему бизнесу и китайским экспортёрам. Во-вторых, соответственно, китайские финансовые учреждения не обладают необходимым инструментарием для оценки и ограничения рисков при кредитовании крупных сумм внешним заёмщикам. В-третьих, надёжность России в качестве получателя кредитов сильно пострадала от падения цен на нефть, внутリエкономического спада, западных санкций, понижения суверенных кредитных рейтингов до бросового уровня, и т.д. Новатэк и его проект Ямал СПГ особенно сильно страдают от недостаточного доступа к китайскому капиталу, несмотря на длительные переговоры: в мае 2014 года совладелец Новатэка Геннадий Тимченко пообещал обеспечить 20 млрд. долларов китайского долгового финансирования для проекта Ямал СПГ, однако на сегодняшний день эти средства всё ещё не предоставлены.

В итоге, практическое состояние и перспективы китайско-российского партнёрства год спустя после подписания в мае 2014 года газовых соглашений не выглядят столь блестяще, как это пытаются представить российские власти.

«Турецкий поток»: дорога в никуда?

Владимир Путин впервые открыто упомянул о возможности «посмотреть другие варианты через страны, которые не входят в ЕС» для проблемного проекта газопровода «Южный поток» в мае 2014 года на Санкт-Петербургском экономическом форуме¹⁵. В то время этому замечанию не было уделено особого внимания, поскольку все взгляды были прикованы тогда к переговорам с Болгарией, рассматривающейся в качестве страны выхода на сушу «Южного потока». Однако эта идея Путина материализовалась позже, когда после парламентских выборов в октябре 2014 года в Болгарии было сформировано новое правительство, выступающее против «Южного потока»: в декабре, менее чем через месяц после того, как новое болгарское правительство под руководством Бойко Борисова было приведено к присяге, на встрече в Анкаре с турецким президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом Путин объявил об отмене «Южного потока» и его замене «Турецким потоком».

Несмотря на то, что «Турецкий поток» был объявлен «совершенно новым» проектом, его проектная мощность (63 млрд.куб.м газа в год) сходна, а маршрут практически полностью дублирует коридор прежнего «Южного потока», за исключением последних 250 км, где он поворачивает южнее болгарского берега в Турцию. Однако кроме этого разница между двумя проектами вполне ощутима: если сухопутный маршрут продления «Южного потока» в Европе был абсолютно понятен, и даже были заключены соответствующие конкретные договорённости по транзиту и странам-потребителям (Сербия, Венгрия, Австрия), в случае с «Турецким потоком» подобная ясность полностью отсутствует. В своих публичных заявлениях Газпром не устаёт повторять, что газ будет поставляться к греко-турецкой границе, а вопрос о его дальнейшей доставке на рынки должен стать проблемой Европы.

¹⁵ Путин пригрозил Брюсселю изменить маршрут «Южного потока» // РБК. 24 мая 2014, <<http://top.rbc.ru/economics/24/05/2014/926006.shtml>>.

Одновременно с этим Газпром публично объявил о решении полностью прекратить транзит газа через Украину к 2019 году¹⁶, в результате чего у стран-потребителей, пользующихся сегодня этим транзитом, не останется другого выбора, кроме переключения на поставки через «Турецкий поток», который предполагается ввести в эксплуатацию к 2019 году.

Однако существуют два препятствия для реализации предлагаемого Газпромом решения:

Во-первых, на сегодняшний день не существует не только трубопроводной инфраструктуры «с юга на север», которая могла бы обеспечить поставки российского газа с греко-турецкой границы на главные рынки Центральной и Юго-Восточной Европы (Италия, Балканы и др.), но и конкретных планов по её созданию. Россия пыталась надавить на Грецию, чтобы убедить её начать работы по продлению трубопровода «Турецкий поток» по греческой территории – обсуждались даже российские займы в качестве источника финансирования этого строительства, – однако российское руководство признаёт, что Греция не сможет занять у России деньги на запуск этого проекта, по причине наложенных международными кредиторами ограничений на суверенные заимствования Греции.

Во-вторых, текущие договорные обязательства Газпрома с потребителями, получающими газ через украинскую трубопроводную систему, содержат указания на конкретные географические пункты доставки, которые оказываются недоступными через предлагаемый маршрут «Турецкого потока», не говоря уже о том, что существующие договорные обязательства не позволяют Газпрому попросту оставить газ на греко-турецкой границе, а напротив, требуют доставки его в конкретные географические пункты в странах-потребителях.

Серьёзность и важность этих двух аргументов не позволяет сбросить их со счётов на основании одних лишь официальных российских пресс-релизов о продвижении «Турецкого потока». Поэтому они поднимают фундаментальные вопросы о реализуемости проекта в целом:

- Если сопутствующая инфраструктура для соединения Греции с главными потребителями газа в Италии, на Западных Балканах и в Центральной Европе не будет создана к 2019 году, означает ли это, что «Турецкий поток» сможет поставлять лишь небольшую часть от своей планируемой мощности (63 млрд.куб.м)?
- Будет ли Газпром продолжать настаивать на прекращении транзита газа через Украину к 2019 году, с

¹⁶ Russia to Stop Gas Delivery via Ukraine by 2019, Push Ahead with Turkish Stream – Miller // RT. 13 апреля 2015, <<http://rt.com/business/249273-gazprom-ukraine-gas-transit/>>.

учётом того, что некоторые страны (Австрия, Чешская республика, Италия, Словакия, страны на западе Балканского полуострова) могут на этот момент не располагать другими физическими возможностями получения российского газа?

- Угрожает ли Газпром этим странам прекращением поставок с 2019 года? Или он пытается вынудить их предпринять самостоятельные действия по созданию соответствующей инфраструктуры, соединившей бы их с «Турецким потоком»? Если это так, то рассматривает ли Газпром возможность существования у этих стран более простых вариантов доступа к альтернативным газовым поставкам?

С учётом этих вопросов, «Турецкий поток», в отличие от «Южного потока», не выглядит как тщательно проработанная и прозрачная схема поставок. Эта стратегическая неопределённость вокруг «Турецкого потока» приводит к тому, что целевые европейские страны-импортёры газа заметно активизируют усилия по развитию потенциальных альтернатив импорту российского газа:

- Румыния в апреле 2015 года практически отказалась от импорта российского газа¹⁷, уже достигшего к тому времени исторически низкого уровня¹⁸, в связи с уравниванием этой страной производства и потребления газа и планами по развитию черноморского газового шельфа;

- Болгария также планирует осваивать свои месторождения на черноморском шельфе, для чего были объявлены новые лицензионные аукционы. Она также активно преследует цель превращения своей страны в газовый хаб¹⁹;

- В конце апреля 2015 года, Болгария и Румыния подписали совместную декларацию о поддержке Южного газового коридора, включающего проекты Трансадриатического трубопровода (TAP) и Трансанатолийского трубопровода (TANAP), с обязательством улучшить румынско-болгарские реверсные поставки и связать Румынию, Болгарию и

¹⁷ Economica: Romania plans to abandon Russian gas imports in April 2015 // Focus Information Agency. 20 марта 2015, <www.focus-fen.net/news/2015/03/20/366889/economica-romania-plans-to-abandon-russian-gas-imports-in-april-2015.html>.

¹⁸ Romania Cuts Dependence on Gas and Russia // Interfax. 2 марта 2015, <<http://interfaxenergy.com/gasdaily/article/15402/romania-cuts-dependence-on-gas-and-russia>>.

¹⁹ Bulgaria Seeks to Redraw EU Oil and Gas Routes Away From Russia // Moscow Times. 15 апреля 2015, <www.themoscowtimes.com/opinion/business/article/bulgaria-seeks-to-redraw-eu-oil-and-gas-routes-away-from-russia/519127.html>.

Грецию, инициировав «вертикальный газовый коридор»²⁰. Болгария, Венгрия, Румыния и Словакия подписали совместную декларацию о поддержке строительства на своих территориях нового 1274-километрового газопровода Eastring, с предусматриваемой мощностью в 20 млрд.куб.м на первом этапе и 40 млрд.куб.м на завершающем этапе, который протянется от словацко-украинской до болгарско-турецкой границы. Он также может быть подключён к потенциальному газовому хабу в Турции, обеспечивая реверсные поставки из каспийского бассейна²¹;

- Ключевой стратегический союзник России в регионе, Сербия, по причине неопределённого будущего «Турецкого потока» начала официальные переговоры с Румынией о перспективах импорта черноморского газа как альтернативы российскому газу²²;

- Наконец, в долгосрочной перспективе, в Центральную и Юго-Восточную Европу может поступить газ из восточного Средиземноморья, что добавит конкуренции на рынке, где источники газовых поставок и без того стремительно диверсифицируются.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что, в то время как Россия решительно настаивает на необходимости для стран Центральной и Юго-Восточной Европы найти решения для получения газа из «Турецкого потока», ключевые страны-потребители либо уже минимизируют свои газовые закупки из России, либо предпринимают активные шаги по диверсификации источников импорта, что может существенно изменить ландшафт этого географического сегмента европейского рынка уже через 5-7 лет. Отсюда возникает вопрос: если «Турецкий поток» и будет построен, то, в конечном счёте, будет ли на него спрос?

Ключевую роль здесь будет играть позиция Италии – крупнейшего получателя российского газа, который транспортируется в настоящее время через Украину и потенциально может транспортироваться через «Турецкий поток» (25-30 млрд.куб.м в год от общего объёма около 60 млрд.куб.м). Италия на удивление спокойно восприняла внезапное решение России об отказе от проекта «Южный поток» и, по сути, даже сыграла важную роль в этом решении. В начале

²⁰ Romania and Bulgaria Sign Joint Declaration on Strengthening Regional Energy Cooperation // Business Review. 27 апреля 2015, <<http://business-review.eu/featured/romania-and-bulgaria-sign-joint-declaration-on-strengthening-regional-energy-cooperation-79646>>.

²¹ Romania, Bulgaria Back New Gas Pipeline // Turkish Weekly. 25 мая 2015, <www.turkishweekly.net/news/186161/romania-bulgaria-back-new-gas-pipeline.html>.

²² Serbia in talks with Romania over Black Sea gas – PM Vucic // Reuters. 22 января 2015, <<http://af.reuters.com/article/energyOilNews/idAFD0N0NT00S20150122>>.

ноября 2014 года, новый генеральный директор Eni Клаудио Дескальци практически в первый раз высказался публично о «Южном потоке», выразив своё недовольство объявленными Газпромом гигантскими перерасходами на строительство, и пригрозил выходом из проекта (Eni был крупнейшим международным акционером «Южного потока» с 20 % акций) в случае, если Газпром будет настаивать на перерасходах. По мнению автора статьи, отмена «Южного потока» непосредственно связана с позицией Eni, поскольку на последовавшей за этим встрече Дескальци с генеральным директором Газпрома Алексеем Миллером, состоявшейся в Сочи 24 ноября 2014 года (лишь за неделю до визита Путина в Анкару, где было объявлено об отмене «Южного потока»), разногласие между ключевыми акционерами «Южного потока» Eni и Газпромом преодолеть не удалось. Интересно будет проследить за дальнейшими действиями Италии, которая, очевидно, подвергается наибольшему риску в связи с угрозами Газпрома о прекращении транзита газа через Украину и неопределённостью вокруг «Турецкого потока». До недавнего времени, итальянские компании, по всей видимости, изучали различные альтернативные поставки газа (включая Египет и другие страны восточного Средиземноморья) и сохраняли спокойствие по отношению к неопределённой ситуации с «Турецким потоком». Это спокойствие, кажется, не сулит ничего хорошего Газпрому.

В этой ситуации явного недостатка интереса со стороны потребителей из Центральной и Юго-Восточной Европы к присоединению к проекту «Турецкий поток», всё больше экспертов склоняются к мнению о том, что мощность трубопровода может быть сокращена до двух линий (около 30 млрд.куб.м) вместо четырёх (60 млрд.куб.м), при этом строительство оставшихся двух линий может быть отложено на неопределённый период. Большая часть газа из двух первых линий «Турецкого потока» пойдёт в Турцию, уже достигшую рекордного уровня импорта российского газа (более 27 млрд.куб.м в 2014 году), и заинтересованную в ещё больших объёмах. Турция уже сейчас располагает сильным рычагом давления на Россию, в связи с потенциально возрастающей зависимостью последней от газового транзита через турецкую территорию, что позволяет Турции настойчиво требовать у Газпрома скидки на газовые цены. В то же время, сама Турция не сталкивается с особым риском, поскольку развивающаяся сеть альтернативных газопроводов (TANAP и др.) и рост её доли в экспорте Газпрома (почти четверть от западноевропейских продаж Газпрома в 2014 году!) ставят её в довольно выгодное положение по отношению к российской монополии.

Ситуация с «Турецким потоком», в конечном счёте, оказывается весьма сходной с ситуацией с «Силой Сибири» в Китае, поскольку, как было показано выше, «Турецкий поток» из «стратегического» проекта, нацеленного на изменение всей

логистики европейского газового импорта, превращается в локальный двусторонний российско-турецкий проект. Действительно, на сегодняшний день всё указывает на то, что связанные с Россией неопределённость и множественные риски заставили даже самых лояльных клиентов из Центральной и Юго-Восточной Европы искать реальные альтернативные поставки, что может значительно уменьшить стратегическое значение «Турецкого потока».

Заключение

Главный вывод этой статьи заключается в том, что «новые российские партнёрства» на международной энергетической сцене, зачастую представляемые в качестве «альтернативы» партнёрству с Западом, явно преувеличены с целью воздействия на общественное мнение. Особенности китайско-российского и турецко-российского партнёрств свидетельствуют о том, что «новые стратегические партнёры» России не готовы участвовать в её глобальных энергетических играх, а стремятся лишь к преследованию своих собственных прагматических интересов в энергетической сфере. Попытки России вызвать тектонические сдвиги на энергетических рынках при помощи этих партнёрств не привели к успеху, и оба «стратегических» проекта, «Сила Сибири» и «Турецкий поток», стремительно скатываются на региональный двусторонний уровень, не представляющий реального сдвига в масштабах международных энергетических рынков.

По сути, подобное развитие ситуации ставит под вопрос всю концепцию «диверсификации спроса за пределами Европы», которую в последние годы продвигает Газпром (не без влияния геополитической составляющей и углубляющегося политического разрыва с Западом и Евросоюзом). Недавние трудности и срывы в российских энергетических отношениях с Китаем и Турцией ещё раз подчеркнули щедрость европейского энергетического партнёра, предлагающего лучшие цены и постоянно увеличивающего объём закупок, по сравнению с довольно жёсткими и прагматичными переговорщиками с востока, на которых Москва возлагает в последнее время свои главные надежды в сфере международной энергетики.